

забот «о плотнень», вторгается и в политическую борьбу, и в хозяйственные дела монастыря. Так, в обобщенном образе «святости» появляются черты индивидуального характера, нарушается и «тенденция свести к некоему абстрактному „единству“ все многообразие действительности».²¹ «Временному», «частному», «случайному» Нестор уделяет внимание в такой мере, что за религиозной оболочкой его повествования это «многообразие действительности» ощущается и в характерах действующих лиц, и в описании событий, участниками которых они являются.

Внимательно перечисляя все христианские добродетели Феодосия, Нестор подтверждает их описанием отдельных случаев из его жизни, где раскрываются быт монастыря, его связи с «миром». Рядом с поучительным повествованием о жизни и людях, какими они должны быть, появляются рассказы и о том, какова была эта жизнь и какие люди встречались с Феодосием в действительности. «Идеальное преображение» уступало место правдивому воспроизведению бытовых эпизодов.

Отлично владея стилистикой, неотъемлемой от канона агнографического стиля, Нестор не прибегает к ней вовсе или слегка лишь окрашивает ею изложение в тех частях своего повествования, где отдельные факты политической борьбы или монастырского быта несколько отодвигают обобщенные образы и картины.

Таким образом, даже в каноническом произведении житийного жанра нормы агнографического стиля не определяют всего строя изложения в целом. При несомненном преобладании этих норм в рассказе Нестора есть и отступления от них, напоминающие и о том, что он был мастером исторического повествования, и о том, что в его время такие отступления были принципиально допустимы.²²

3

С XI в. начали слагаться и краткие сказания «о первых черноризцах печерских», основанные на устных преданиях. Одна группа этих сказаний, не дошедшая до нас, входила, по предположению А. А. Шахматова, в утраченное житие Антония. Другой цикл — четыре рассказа — известен по Повести временных лет и Киево-Печерскому патерику. Основной, самый обширный свод таких рассказов, обработанных Симоном, епископом Владимирским, и Поликарпом, сохранился в составе Киево-Печерского патерика. Вместе с житием Феодосия именно эти рассказы и оценил Пушкин, ощутивший в них «прелесть простоты и вымысла».

По предположению А. А. Шахматова, «слово о первых черноризцах печерских» (Дамиане, Иеремии, Матвее и Исакии) входило в Печерскую летопись, составленную в конце XI или в начале XII в., откуда Сильвестр включил его в Повесть временных лет. Вопрос о том, сложено ли это «слово» Нестором, А. А. Шахматов считал еще не решенным. Из поздней редакции Печерской летописи «слово» было включено в одну из ранних редакций Киево-Печерского патерика, предшествовавшую Касьяновской.²³

²¹ И. П. Еремин, Киевская летопись, стр. 85.

²² Такой «разной» в исторических повестях, подвергшихся «агиографической стилизации», отмечает И. П. Еремин в статье «Киевская летопись...» (стр. 90). Полностью в агнографическом стиле построена Нестором характеристика Антония (стр. 21—26), представленного монахом-отшельником, который, «не трюпа всякого мятежа и мльвы», удаляется даже к концу жизни «на ин холм» и живет в одиночестве.

²³ А. А. Шахматов, Киевопечерский патерик и Печерская летопись, I—II. — ИОРЯС, т. II, кн. 3, 1897, стр. 795—844; отдельный оттиск — СПб., 1897, стр. 4, 41.